

Чжан Юэцзюнь открыл рот, наспех надел бахилы, переделся в лабораторный халат, затем натянул маску на лицо и подбежал к Ли Чжэну:

— Патент... Индия...

Он ещё не отдышался, а Ли Чжэн уже нахмурился:

— В лаборатории нельзя дышать ртом, я думал, это общеизвестно.

Чжан Юэцзюнь серьёзно посмотрел на него, инстинктивно закрыл рот и задержал дыхание. Его лицо постепенно покраснело, и Ли Чжэн с облегчением снял маску:

— Носом дышать можно.

Чжан Юэцзюнь хлопнул себя по лбу:

— Эх, всё горит, а ты ещё и этим занимаешься. Ты знаешь...

— Знаю, — Ли Чжэн вручил ему пробирку с реактивом. — Пропорции я уже настроил, через пятнадцать минут сделай инъекцию этим мышам.

— Когда данные по этим партиям мышей будут готовы, останется только провести испытания на людях, — Ли Чжэн с улыбкой закрыл журнал записей.

Чжан Юэцзюнь нервно почесал затылок, хотел что-то сказать, но Сюй Миншэн, стоявший рядом, наконец не выдержал:

— Ладно, Сяо Чжан, мы уже знаем про индийские дженерики. У Ли Чжэна свои планы, ты просто закончи эксперименты на животных, и второе авторство тебе обеспечено.

Чжан Юэцзюнь от удивления открыл рот.

Ли Чжэн закатил глаза и натянул на него ещё одну маску. В 80-х годах дезинфекция в лабораториях была не такой тщательной, как сейчас, а лаборатории Гонконгского университета любили исследовать различные вирусы. Молодой человек был слишком беспечен.

Одна партия мышей состояла из 100 особей, всего было 20 экспериментальных групп.

Пятнадцать дней спустя.

— Одна партия мышей, разделённая на две группы по вашему плану. Одной группе ввели искусственный тромбин, другая группа была здорова и не получала инъекций. Обеим группам ввели Баамисадин. В группе с тромбином погибли две мыши: одна получила слишком большую дозу, и Баамисадин не успел подействовать, вторая... — Чжан Юэцзюнь почесал голову. — Вторая, согласно результатам вскрытия, умерла от переедания...

Ли Чжэн, заполнявший данные, остановил ручку и провёл некрасивую чёрную линию в журнале:

— Впредь рацион экспериментальных мышей сократить вдвое.

— В группе без тромбина ни одна из пятидесяти мышей не погибла. Однако в первые два дня у шестнадцати мышей наблюдалось учащённое сердцебиение и дыхание. Эти симптомы исчезли

на третий день. У одной мыши появилась очаговая алопеция, но чтобы определить, является ли это исключением, нужны дополнительные эксперименты.

Ли Чжэн кивнул:

— Скорректируйте концентрацию Баамисадина в соответствии с пропорциями, определите оптимальную дозировку и зафиксируйте все необычные явления. Добавьте ещё мышей, чтобы выяснить, связаны ли эти явления с препаратом.

Ли Чжэн уже начал писать статью. Текст, представленный на Азиатской конференции по биологической фармацевтике, был лишь черновиком. Вокруг одного оригинального препарата можно написать десятки статей, и каждая из них будет опубликована в SCI, что показывает ценность оригинальных препаратов.

За эти пятнадцать дней слухи об индийских дженериках успели распространиться по Сянцзяну и внутренним районам Хуаго. Во внутренних районах Хуаго нет оригинальных препаратов. А есть ли они в Сянцзяне? Нет.

Да, даже в таком развитом регионе, как Сянцзян, нет ни одного оригинального препарата, разработанного местной компанией. Поэтому, когда Ли Чжэн на Азиатской конференции по биологической фармацевтике объявил о создании оригинального препарата, жители Сянцзяна почувствовали гордость. В конце концов, Ли Чжэн — студент Гонконгского университета, а вот является ли он жителем Сянцзяна, все СМИ предпочли умолчать.

«Сянцзянская ежедневная газета» несколько дней подряд публиковала на первой полосе статьи, осуждающие Индию за неуважение к правам на патенты. А во внутренних районах Хуаго разгорелась настоящая буря.

В 80-х годах во внутренних районах Хуаго информация распространялась не так быстро, как сейчас. Газеты были основным источником новостей для интеллигенции. Поскольку Ли Чжэн был хуагооцем, Чжу Синь внимательно следил за исследованиями Баамисадина и в последние дни активно изучал фармацевтическую отрасль.

Он знал, что хотя Ли Чжэн опубликовал молекулярную формулу препарата, от её создания до выхода препарата на рынок требуется предоставить огромное количество данных для получения одобрения. Сянцзян сейчас находится под юрисдикцией Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, поэтому для выхода препарата на рынок требуется одобрение MHRA, Управления по контролю за лекарственными средствами и медицинскими изделиями Великобритании.

Этот процесс может занять от трёх месяцев до двух лет. Чжу Синь уже планировал, что когда Баамисадин выйдет на рынок, он сможет написать специальный репортаж, а может быть, даже полетит в Сянцзян, чтобы лично взять интервью у этого юного гения.

Но!

Дженерик!

И ещё индийский дженерик!

В 1962 году произошёл пограничный конфликт между Хуаго и Индией, а в июне вспыхнула война. Хотя прошло уже больше десяти лет, хуагооцы до сих пор негативно относятся к Индии. И вот теперь индийцы снова подложили свинью. Чжу Синь буквально хотел швырнуть им

газету в лицо.

В гневе Чжу Синь лично написал статью, снова выведя имя Ли Чжэна на первые полосы газет и привлекая внимание хуагооцев, особенно интеллигенции.

*

В кабинете секретаря парткома Сталелитейной промышленности Хуаго Чжао Му встретил необычного гостя:

— Профессор Мэн? Что привело вас сюда? Сяо Ван, подайте чай.

Последнюю фразу он адресовал секретарю у двери.

Секретарь Сяо Ван откликнулся и, взяв термос, побежал за чаем.

— Сяо Чжао, как здоровье? Ты постарел, — Мэн Цзяинь, глядя на уже поседевшего Чжао Му, не мог не вздохнуть. — Сколько старых товарищей не пережили события 68-го года. Если бы он не занимал должность в Академии наук и не вёл проект, он бы тоже не избежал участи.

— Профессор Мэн, вы выглядите так же молодо.

Мэн Цзяинь был старше Чжао Му на семь-восемь лет, но сейчас они стояли рядом, и Чжао Му выглядел гораздо старше.

— Все мы старики, о какой молодости речь? Жизнь продолжается, и трудные времена позади. Ты должен взбодриться, Ли Хуа не хотела бы видеть тебя таким.

Ли Хуа, жена Чжао Му, была студенткой Пекинского университета. Из-за участия в студенческих движениях она была хорошо знакома с Мэн Цзяинем. Когда Ли Хуа и Чжао Му поженились, Мэн Цзяинь и ещё один профессор Яньцзинского университета были свидетелями на их свадьбе.

Услышав о покойной жене, Чжао Му сразу же погрузился в грусть, но натянул улыбку:

— Старейшина Мэн, я знаю, я сейчас живу хорошо.

Мэн Цзяинь, видя его состояние, покачал головой и больше не стал углубляться.

Чжао Му был восстановлен в должности в апреле, а его дочь Чжао Цюхуа уехала из Шэньши в конце марта. Это была настоящая игра судьбы.

Мэн Цзяинь всё время думал, что если бы Чжао Цюхуа продержалась ещё несколько дней, то тот юный гений, который так уверенно выступал на Азиатской конференции по биологической фармацевтике, мог бы стать его учеником.

Ну, или хотя бы коллегой:

— Я не буду ходить вокруг да около, Сяо Чжао, я пришёл поговорить с тобой о твоём внуке, — Мэн Цзяинь улыбнулся.

Чжао Му удивился:

— Сяо Чжэн?

Недавно он получил письмо от дочери.

Поскольку письмо было из-за границы, оно прошло множество проверок и дошло до него только через восемь месяцев. Несколько дней назад он позвонил старому знакомому в Шэньши, чтобы тот помог переправить его внука и внучку в Хуацзин.

На самом деле Чжао Му знал и поддерживал решение дочери уехать. В своей жизни он никогда не подводил ни небо, ни землю, ни партию, ни народ, но единственное, в чём он винил себя, — это его дочь.

Его дочь, у которой были большие перспективы, из-за него пережила столько трудностей и была вынуждена оставаться в маленьком городке Цинхэ, чтобы заботиться о нём.

Когда дочь решила уехать, Чжао Му был счастлив, хотя и понимал, что это было несправедливо по отношению к Ли Цяну и детям. Но у каждого отца есть своя доля эгоизма, он хотел, чтобы его дочь была счастлива:

— Вы говорите о моём внуке Ли Чжэне?

Услышав из уст Чжао Му имя «Ли Чжэн», улыбка Мэн Цзяиня стала ещё шире:

— Сяо Чжао, у тебя замечательный внук. В прошлый раз в Токио он нас всех выручил. Да и академический уровень Ли Чжэна очень высок, даже выше моего! — Мэн Цзяинь не скупился на похвалу.

Чжао Му был явно ошеломлён его словами:

— Старейшина Мэн, вы, наверное, ошиблись. Моему внуку всего 17 лет, он ещё ребёнок.

Мэн Цзяинь с удивлением посмотрел на Чжао Му, достал из сумки несколько газет.

<http://bllate.org/book/17704/1653485>